

УДК 82.95

Комарова Елена Николаевна

соискатель кафедры литературной критики

Института масс-медиа Российского государственного
гуманитарного университета

tselyu_v_klyk@list.ru

Komarova Elena Nikolaevna

competitor chair of literary criticism of Institute

of mass media Russian State Humanitarian University

tselyu_v_klyk@list.ru

К ВОПРОСУ О РУССКОМ ПОСТМОДЕРНИЗМЕ И ПРИЧИСЛЕНИИ К НЕМУ ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА САШИ СОКОЛОВА

ON THE QUESTION OF RUSSIAN POSTMODERNISM AND RECKONING HIM EXPATRIATE WRITER SASHA SOKOLOV

***Аннотация:** Статья посвящена критической рецепции творчества Саши Соколова в период с 1990 по 2010 гг. Автор показывает взаимосвязь между качественным уровнем критики и количественными критериями медийной оценки русского постмодернизма. Анализируются различные подходы к постмодернизму, наблюдаемые как в специализированных, так и в популярных изданиях, делается вывод о необходимости оставить попытки «уложить» творчество Соколова в рамки существующих концепций постмодернизма и выработать более точное определение жанра его произведений, с особой тщательностью подобрав и выверив набор критериев.*

***Annotation:** This paper is devoted to the critical reception of art by Sasha Sokolov from 1990 to 2010. An author shows the relationship between the quality level of criticism and quantitative criteria of Russian postmodernism in contemporary mass-media. Analyzing different approaches to postmodernism, as observed in the specialized and popular press, the author makes a conclusion about the need to stop trying to place Sokolov's works into the framework of the existing concepts of postmodernism and to develop a more precise definition of the genre of his works, carefully chosen and calibrated set of criteria.*

***Ключевые слова:** Саша Соколов, постмодернизм, андеграунд, соцреализм, критическая рецепция, газета («Первое сентября»), журнал «Зеркало» (Тель-Авив), СМИ*

***Keywords:** Sasha Sokolov, postmodernism, underground, socialist realism, critical reception, newspaper («First of September»), magazine "Zerkalo" (Tel-Aviv), mass media*

На рубеже 90-х гг. прошлого века, после того, как М. Горбачев объявил курс на «перестройку и гласность», в Советском Союзе стали активно публиковаться книги, ранее доступные немногим. Именно на этот период пришлось знакомство массового читателя с произведениями Саши Соколова, писателя третьей волны эмиграции, который в 1975 году переехал в Америку. Соколов вошел в мировую литературу как автор «Школы для дураков», «Между собакой и волком» и «Палисандрии»: все три произведения уже были изданы в США к тому моменту, когда в 1988 году журнал «Огонек» опубликовал фрагменты «Школы для дураков». Это и положило начало отечественной критической рецепции творчества Соколова.

Сегодня большинство критиков расценивает Сашу Соколова как одного из основоположников русского постмодернизма – наряду с Вен. и В. Ерофеевыми, В. Пелевиным, С. Довлатовым, Т. Толстой, В. Сорокиным, А. Битовым, А. Синявским, В. Пьецухом, В. Войновичем, В. Аксёновым, Л. Петрушевской и т.д. Причислять ли Соколова к постмодернистам – несомненно, вопрос ключевой, поскольку от его решения во многом зависит и отношение самого Соколова к критикам, и его стратегия саморепрезентации, и, в итоге, то место, которое он, по его собственному мнению, занимает – и будет занимать – в литературе.

Сложность заключается в том, что понятие «постмодернизм», вошедшее в литературный обиход на рубеже 1990-2000-х гг., и по сей день допускает множественные толкования. Изначально (и формально) под «постмодернизмом» понималась современная цитатная проза, по большей части ироническая, зачастую связанная с личностями авторов и их окружением, что придавало произведениям своеобразную глубину, которая была заметна даже неискушенному читателю. Признаки, которые позволили объединить эту литературу в некую общность, к настоящему моменту подробно проанализированы идеологами различных ответвлений русского постмодернизма, представителей разных поколений критической мысли, такими, как И. Ильин, Ю. Лотман, Б. Гройс, А. Карпов, М. Берг, В. Курицын, М. Эпштейн, М. Липовецкий и др. Однако по ряду моментов единого мнения до сих пор не выработано.

Налицо закономерность: чем ближе образ мышления критика к обывательскому или обыденному читательскому мышлению, тем универсальнее становится набор критериев, на основании которых осуществляются рассуждения о постмодернизме. *В случае с Сашей Соколовым критическую рецепцию его творчества можно схематически изобразить как перевернутую пирамиду, поделенную на три сегмента*, причем критики из одного и того же сегмента периодически выступают как внешние наблюдатели для сегментов смежных.

Верхним (самым масштабным) сегментом являются труды ученых: филологов, литературоведов. Именно им принадлежит основной количественный объем использованных или постулированных признаков постмодернизма, самых разных и зачастую противоречивых, зависимых от литературного опыта поколения и эстетической ориентации критика. В силу этого причислить Сашу Соколова к постмодернизму в том понимании, в котором его предлагает верхний сегмент, не

представляется возможным, поскольку единого понимания здесь не существует, а существует некая совокупность научно обоснованных, но отнюдь не по всем пунктам совпадающих концепций. Таким образом, оказывается, что Соколов удовлетворяет лишь отдельным признакам постмодернизма, взятым нами фрагментарно из работ различных ученых.

Ко *второму, среднему сегменту* пирамиды можно отнести более популистское понимание постмодернизма, которым пользуются, как правило, работники образования и редакторы профильных литературных газет и журналов. В своей деятельности они ориентируются на критерии, выработанные первым сегментом, но значительно упрощают и обобщают их для прикладных целей, чтобы теорию было легче применять в практике: обучать студентов, выступать с докладами на научных конференциях, писать редакционные статьи и околонуучные книги. Во втором сегменте, как и в первом, не наблюдается единообразного понимания постмодерна, но тенденция к этому уже прослеживается, и тем предоставляет некоторый ключ к пониманию текстов Саша Соколова. А чем универсальнее набор понятий, которыми пользуется критик для описания постмодернизма, тем легче найти оправдание для того, чтобы причислить к нему Соколова.

Наглядный пример того, как признаки постмодернистской прозы сведены к единому знаменателю, выработанному в среде наиболее активных школьных преподавателей русской литературы, можно обнаружить на сайте ИД «Первое сентября».

В разделе программных материалов «Постмодернизм на уроках литературы» мы встречаем следующую структуру описания постмодернизма: «1) подход к искусству как своеобразному коду, то есть своду правил организации текста; 2) попытка передать своё восприятие хаотичности мира сознательно организованным хаосом художественного произведения; 3) скептическое отношение к любым авторитетам, тяготение к пародии; значимость, самооценность текста ("авторитет письма"); 4) подчёркивание условности художественно-изобразительных средств ("обнажение приёма"); 5) сочетание в одном тексте стилистически разных жанров и литературных эпох» [1].

По мнению доктора филологических наук, профессора Валерия Даниленко (*внешнего наблюдателя*), который исследовал феномен множественности признаков русского постмодернизма, в усредненном его восприятии, приведенном выше, все подчинено двум главенствующим идеям - хаотической и нигилистической. Нигилизм ставит знак равенства между постмодернистами и модернистами, которые собирались сбросить с «корабля современности» Пушкина, Достоевского, Толстого и прочих классиков русской литературы. Что же касается хаоса, то и он, по Даниленко, был характерен для модернистов, поскольку они звали от цивилизации к дикости, т. е. шли по инволюционному пути, а предельной точкой инволюции является хаос. Стало быть, ведущая черта постмодернизма, унаследованная от модернизма – инволюционизм [2, С.29]. Однако подобное определение постмодернизма также, очевидно, не может считаться целостным применительно к твор-

честву Соколова, поскольку ни хаотическая, ни нигилистическая идея в его случае не являются истинными предпосылками.

Так например, Соколов полагает, что реализм в литературе себя исчерпал [3, С. 198], но вместе с тем он называет Пушкина, Гоголя, Бунина и Толстого своими учителями [4, С.12]. Соколов явно не унаследовал идею бросания классиков в океан забвения (практически, как и любой серьезный авангардист, даже провозглашающий подобные лозунги). А что касается хаоса, авторская позиция Соколова заключается отнюдь не в том, чтобы «звать от цивилизации к дикости», наоборот: дикостью и хаосом как раз выступает цивилизованный мир, реальность, окружающая героев его произведений. Реальность, в которой жил и работал Соколов, «случилась» советской – и это решило творческую судьбу Соколова, сделав его записным борцом с режимом в глазах большинства литературных критиков. Так из неверных предпосылок в отношении творчества Соколова были сделаны относительно верные выводы.

Другой пример из *среднего сегмента*, также отчасти дающий ключ к пониманию природы творчества Соколова – размышления о русском постмодернизме критика и публициста, главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чупринина.

По Чупринину, русский постмодернизм столкнулся с принципиально иной культурной ситуацией и иными вызовами, чем западный. В СССР ему противостояла не тирания рынка и масскульта, а диктат коммунистической идеологии. Западный постмодернизм сделал шаг навстречу и рынку, и масскульту, и потребителю, создав искусство, с одной стороны, достаточно привлекательное для интеллектуалов, воспитанных на классике, на нормах рафинированного модернизма, а с другой – доступное пониманию толпы, учитывающее ее, толпы, интересы и возможности. Тогда как в Советском Союзе эта эстетика вынужденно развивалась в андеграунде, в противостоянии не только официозу, но и социуму. Отсюда, за редким исключением – демонстративная асоциальность, невнимание русских постмодернистов к сколько-нибудь массовому читателю, вызывающий отказ от коммуникативности, «кружковый» герметизм и, в пределе *асимптота*: аутичность героев произведений (что в полной мере демонстрирует «Школа для дураков»).

«Если придерживаться правил конкретного историзма, - подчеркивает Сергей Чупринин, - то можно отметить и неизбежность (а, следовательно, плодотворность) этой художественной стратегии на этапе противостояния официозу, и ее контрпродуктивность (следовательно, архаичность) на этапе следующем, когда к нам тоже нагрянул рынок, а постмодернистская литература, как партизан из старинного анекдота, продолжала пускаться под откос поезда несуществующего уже противника вместо того, чтобы оборотиться лицом к новым историческим вызовам. <...> За без малого полвека своего существования западный постмодернизм действительно сумел пересечь границы и засыпать рвы. Или, говоря иными словами, он многое сделал для устранения оппозиции «массового» и «элитарного» в искусстве – прежде всего тем, что породил миддл-литературу... <...> В то время

как русский постмодернизм за последние пятнадцать лет лишь углубил ров, отделяющий качественную словесность от массовой, своей бескомпромиссностью оттолкнув от себя (и от серьезной литературы) даже тех, кто потенциально способен был бы к ее восприятию» [5].

Чупринин не оперирует научными терминами, но он формализует нечто, возможно, более важное – культурологические характеристики русского постмодерна, которым творчество Саши Соколова, без сомнения, соответствует. А это, в свою очередь, способствует пониманию исторических задач постмодернизма, выполнению которых, в том числе, был подчинен и Соколов.

Подтверждением тому служит позиция представителей *нижнего сегмента* перевернутой пирамиды критической рецепции. Ее основанием, пиком является формула, сложившаяся в начале 90-х гг.: «постмодернизм = антисоцреализм». Удачную, на наш взгляд, расшифровку этой формулы привел китайский ученый, сотрудник Пекинского университета иностранных языков Ли Синьмэй, вероятно, в силу исторического соперничества СССР и Китая за первенство в «светлом коммунистическом будущем», обладающий обостренным *синтетическим* восприятием (что свойственно *внешнему наблюдателю*): «Целый ряд писателей, как Андрей Битов, Венедикт Ерофеев, Саша Соколов, Иосиф Бродский начали использовать новую манеру письма, отличную от соцреализма. В основу этой манеры легло свободное поэтическое мышление, игра, текстуальная гетерогенность, смысловая множественность, прием авторской маски, ирония и пародийность. В произведениях этих писателей исчезла религиозная вера в коммунистическую утопию. Советский мир в их представлении лишился своего стержня и превратился в хаотический набор фикций, симулякров, за которым не ощущался никакой иной реальности. Впоследствии (в конце 1980-х) они были оценены как первые представители русского постмодернизма» [6].

На основании подобного упрощения причислить Соколова к постмодернистам не составляет проблем, и этим пользуется «низовая» категория критиков, по преимуществу формирующая общественное мнение – журналисты достаточно массовой печати и медиа. Они, как правило, контекстуально выделяют данный критерий как главенствующий, причем достаточно обоснованно: формула «постмодернизм = антисоцреализм» прошла проверку временем и оказалась адекватна, во всяком случае, применительно к Соколову. Несмотря на то, что в 1989 году, во время своего недолгого возвращения в Россию, Саша Соколов в интервью журналу «Октябрь» заявлял, что "для меня значение писателя – в его языке, мне нужен язык, меня тематика мало интересует"[7, С.199], очевидно, что все его программные произведения, включая «Палисандрию», так или иначе были подчинены развенчанию советского мифа.

Это уже не просто постмодернизм, это реализация идеологии пост-Витгенштейнианства, где язык – не только картина мира, но и совокупность языковых игр, а правила такой игры есть (в нашем случае) литературная практика.

Недаром развенчание советского мифа в постмодернистском тезаурусе называется деконструкцией *языка* советской литературы.

В позиции Соколова-человека четко прослеживается столь нелюбимый В.И. Лениным махизм, т.е. изучение влияния экспериментальной установки на результат эксперимента, холодный расчет автора – в противовес иллюзорности реальности, культивируемой Соколовым-писателем. И здесь рассматриваемая нами общая проблема постмодернизма переходит в плоскость частной проблемы – культуры, привитой Саше в юности (семья, комсомол и т.п.). Того самого периода его жизни, который он перечеркнул эмиграцией.

В 1990 году Саша Соколов стал сопредседателем Всесоюзной ассоциации писателей в поддержку перестройки «Апрель». Выражаясь совсем примитивно, Соколов внес свою лепту в историю как представитель такого постмодернизма, определение которого дано в «Энциклопедии для детей», посвящённой русской литературе XX века: «До XX века поэзия воспринималась как отражение высших, абсолютных ценностей Красоты, Добра, Истины. Поэт был их служителем-жрецом... Постмодернизм отменил все высшие идеалы. Потеряли смысл понятия высокого и низкого, прекрасного и безобразного. Всё стало равнозначно и всё одинаково дозволено...» [8, С.107]. В 1991 году в журнале «Октябрь» была перепечатана «Палисандрия», вскоре исчез СССР, наступила пресловутая эра гласности – и Саша Соколов «замолчал» на 20 лет, снискав себе славу «русского Сэлинджера» [9].

По законам моды, тенденции каждого последующего сезона должны быть противоположны тенденциям сезона предыдущего. Если речь о литературе, то уместнее говорить не о сезонах, а об эпохах, но принцип схож. Соцреализм, на волне противоположности которому развивался постмодернизм, выцвел, и читатель начал терять интерес к борьбе с ветряными мельницами.

В конце концов, начиная с 2006 года, Соколов стал печатать фрагменты своей новой книги в русскоязычном художественно-литературном журнале «Зеркало» (Израиль), сохраняющем пристальный интерес ко Второму русскому авангарду, как определяет сам себя круг этого органа печати. В этом также прослеживается некий элемент аутизма, присущего героям Соколова, - попытка бежать от реалий, неспособность или нежелание нести ответственность за новую реальность, творить не разрушительно, но созидательно.

Однако при вдумчивом размышлении становится понятно, что стремление писателя законсервировать свой творческий имидж в журнале с винтажной атмосферой андеграунда вполне осознанно. «Триптих», последовательно публиковавшийся в «Зеркале» по частям и вышедший в 2011 году под одной обложкой в России (изд-во ОГИ), был фактически проигнорирован критиками, заслужив, в лучшем случае, почтительно-недоуменные рецензии. К примеру, рецензент Александр Кестер отмечает: «...новая книга Соколова, откровенно говоря, оценена русской публикой как фиаско писателя. Значит это, в первую очередь, что русский человек не увидел в ней ничего характерного для своей ментальности. И это не

мудрено... <...> Если в произведениях раннего Соколова в рефлексии чувствовался поиск (она была не голым актом обращения внутрь себя), то «новый» Соколов описывает рефлексии безвольную, в которой нет смысла, а есть невмешательство с привкусом фатализма. <...> Человек не размышляет и не ищет, в работе его сознания нет смысла, оно исполняет роль желудка и не контролируется самим человеком, а программируется и питается извне. Сознание это – западного человека, судя по высказываниям Саши Соколова в интервью» [10].

Благодаря опытам с «Зеркалом» Соколов на практике экспериментально выяснил, каким будет отношение современного читателя к его нынешней литературной деятельности, и в соответствии с этим рационально выстроил дальнейшую стратегию своей репрезентации.

Публичные высказывания самого Саши Соколова, казалось бы, неоспоримо свидетельствуют о его принадлежности к культуре «высокого» модернизма. На первый взгляд, и здесь достаточно противоречий: так, в своих интервью Соколов причисляет себя то к модернизму, то к авангарду, то сообщает, что учился письму у реалистов:

«Я, как ни странно, учился у реалистов. У Бунина, у Толстого... Лев Толстой был для своего времени модернистом. Поток сознания он использовал как прием намного раньше Джойса, не так ли? Например, в «Войне и мире» есть сцены, где Толстой достигает так называемого четвертого измерения прозы..» [4, С.12].

«В художественном отношении никакого реализма не может быть, он исчерпал свои возможности... Слава Богу, я понял это очень рано, поэтому как только появились у нас в печати какие-то первые обрывки и клочки западных модернистских произведений, я сразу набросился на них как на что-то родное, я ни минуты не сомневался, что это мое... Заря модернизма в России - это Гоголь. Я был очень верным учеником Гоголя в отрочестве и юности» [3, С.188] .

«Я ведь авангардист, поэтому из всей симфонической музыки мне интересен только авангард» [3, С.203] .

Ключом к пониманию ситуации (образно говоря, анаглифными очками, превращающими разноплановые высказывания Соколова в цельную трехмерную картину) в данном случае является справка о том, когда, собственно, в России появился западный модернизм. Он появился через 15 лет после смерти Льва Толстого, когда в 1925 году в московском альманахе "Новинки Запада" были напечатаны главы из "Улисса" Джеймса Джойса. Начиная с 1927 года, в России публикуются переводы первых произведений Марселя Пруста (изда-ва «Мысль», «Недра», «Academia»). В 1930-х гг. и Джойса, и Пруста печатают в журнале «Интернациональная литература». К числу авторов «клочков западных модернистских произведений», без сомнения, можно отнести и Уильяма Фолкнера, - первые публикации его рассказов в сборнике «Американская новелла XX века» и в газете «За рубежом» также пришлись на 30-е гг.

В СССР не запрещались к прочтению и книги «реалистов, которые были для своего времени модернистами», - собрание сочинений того же Бунина, к 70-м гг. уже крупного эмигрантского писателя и нобелевского лауреата, было издано в Советском Союзе еще в середине XX века. А что касается ученичества у Гоголя, этот вопрос основательно исследовал Андрей Белый в книге «Мастерство Гоголя» (1934 г.), посвященной, в том числе, и писателям авангарда - Маяковскому, Мейерхольду и самому Белому.

Нет сомнения, что Саша Соколов, чье становление как писателя пришлось на первую половину 70-х гг., был неплохо знаком с творчеством вышеназванных авторов. Особенно если учесть, что в то время Соколов учился на факультете журналистики МГУ, который, по его отзывам, был «самым свободным местом в советской системе» [11]. Писатель – не ученый, ему достаточно лишь отыскать рецептор, чтобы вступить на творческий путь. Так, именно на середину 70-х гг. приходится в Советском Союзе пик увлечения Фолкнером. «Шум и ярость», пять персонажей, пять разных точек зрения, сквозная тема битвы со временем, победа в которой – «иллюзия философов и дураков» [12]. Тех самых, которые станут прототипами персонажей «Школы для дураков».

О многом говорит и тот факт, что Соколов предпочитает не уточнять жанровую принадлежность своих произведений. «В моем случае то, что я делаю, наверное, лучше назвать «тексты», - заявляет он. - Такой обтекаемый термин, ни к чему не обязывающий и не раскрывающий жанровую суть. Я просто, с одной стороны, не хочу, а с другой - просто не сумел бы рассказать, какого рода эти тексты, определить их жанровую сущность» [13, С. 15-16]. Заметим, что «тексты» – это понятие, с одной стороны, введенное семиотикой, с другой – активно используемое Дмитрием Приговым и концептуалистами, которым было свойственно называть свои произведения текстами, и с творчеством которых Соколов, судя по всему, тоже был знаком. И здесь становится окончательно ясна причина, по которой Саша Соколов предпочел в качестве творческой площадки журнал «Зеркало». Редакционная политика «Зеркала» заключается, в том числе, в ностальгии по эстетике московского концептуализма. А под Вторым авангардом, в свою очередь, подразумевается переосмысление в середине 50-х - первой половине 60-х гг. Первого классического русского авангарда.

Примечательно, что в новейшей энциклопедии «Альтернативная культура» определение постмодернизма отсутствует вовсе - в связи с принципиальной невозможностью точно его сформулировать. Составители энциклопедии уведомляют, что «...намеренно отказались от собственного определения постмодернизма, заменив его мозаикой абсолютно разных изречений, принадлежащих философам, писателям, искусствоведам, критикам, художникам и также не дающих исчерпывающего ответа. Вполне постмодернистский ход, кажется» [14, С.207]. И ход, и ирония. Но если говорить серьезно, что еще есть *наверное* в постмодернизме, кроме иронии?

Общее место сводится к тому, что атипичный герой, обезличенный автор, фантазмагорически-абсурдная реальность для постмодернистской литературы являются не отклонением от нормы, а собственно нормой. Существеннейшим элементом мировосприятия оказывается аутичное, болезненное ощущение нереальности внешнего мира, свойственное не только герою, но и автору. Феномен же Саши Соколова заключается в том, что «болезненное ощущение нереальности внешнего мира» в его случае свойственно отнюдь не автору, а образу автора, старательно автором культивируемому. Автору же, как мы выяснили, свойственен трезвый рационализм. Публичные высказывания Соколова при их грамотной интерпретации, с «остраненной» точки зрения, свидетельствуют как о полной осознанности им происходящего, равно как и о том, что аутизм для него – не более чем игра, книксен постмодернистской традиции. Что, в свою очередь, дает основания предполагать, что альтер-эго, имидж писателя «не от мира сего» - своего рода маркетинговый ход, позволяющий Соколову при общении со СМИ не вдаваться в подробности реальных источников вдохновения автора и сохранять интригу относительно природы своих художественных находок.

Следует признать правоту Вячеслава Курицына, отметившего однажды, что «постмодернизмов столько же, сколько и носителей, то есть у каждого – свой постмодернизм. (...) Может быть, о постмодернизме стоит говорить только во множественном числе: постмодернизмы» [15, С.5]. Однако в рамках дальнейшего исследования данной темы видится возможным выработать более точное определение жанра произведений Соколова. Не отрицая важности трудов идеологов постмодернизма и взяв их за основу, необходимо оставить попытки «уложить» творчество Соколова в рамки какого-либо из множества существующих концепций постмодернизма, и создать под этого писателя свою, персональную концепцию, с особой тщательностью подобрав и выверив набор критериев. Полагаем, это задача перспективная. Ведь, несмотря на то, что сам русский постмодернизм, давший миру немало интересных *текстов*, фактически уже в прошлом, окончательное слово о нем еще не сказано.

Литература:

1. Крамнау Е. *Постмодернизм в современной русской литературе* [Электронный ресурс] // Сайт ИД "Первое сентября". URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:NHY7s-kqmSsJ:festival.1september.ru/articles/579362/+%22%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4+%D0%BA+%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83+%D0%BA%D0%B0%D0%BA+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D1%83+%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D1%83,+%D1%82%D0%BE+%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%83%22&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 17.12.2012).

2. Даниленко В. *Постмодернизм в русской литературе: теория и практика* // Литературная учеба. 2009. № 3.

3. Кравченко В. О встречах и не встречах. С С.Соколовым беседуем В.Кравченко // Ясная Поляна. 1997. № 2.

4. Матич О. Беседа с Сашей Соколовым: «Нужно забыть все старое и вспомнить все новое» // Русская мысль. 1985. 31 мая.

5. Чупринин С. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям [Электронный ресурс] // Портал «Либрусек». URL: <http://lib.rus.ec/b/147813/read> (дата обращения: 15.12.2012).

6. Синьмэй Л. Русский и китайский постмодернизм // Альманах «Академические тетради», электронная версия. URL: <http://independent-academy.net/science/tetrad/12/index.html> (дата обращения: 8.01.2013).

7. Ерофеев В. Время для частных бесед... // Октябрь. 1989. № 8.

8. Энциклопедия для детей. Т. 9. Русская литература. Ч. 2. XX век / гл. ред. М.Д. Аксёнова. М.: Аванта+, 1999.

9. Саша Соколов [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия «Википедия». URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D1%88%D0%B0_%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 21.01.2013).

10. Кестер А. Саша Соколов. «Молчание» как метод [Электронный ресурс] // Портал «ЛИТИС». URL: <http://www.litis.org/ludi/sasha-sokolov-molchanie-kak-metod.html> (дата обращения: 26.01.2013).

11. Вайман Н. Поверх барьеров. Беседа с Сашей Соколовым [Электронный ресурс] // Сайт радиостанции «Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.091803.asp> (дата обращения: 27.01.2013).

12. Фолкнер У. Шум и ярость [Электронный ресурс] // Портал «Либрусек». URL: <http://lib.rus.ec/b/17024/read> (дата обращения: 12.12.2012).

13. Терещенко М. "Я не принимаю большую часть русского словаря": Интервью с Сашей Соколовым // Газета. 2004. 20 декабря.

14. Альтернативная культура: Энциклопедия / [Сост. Дмитрий Десятерик]. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.

15. Казарина Т. "Всегда есть тот, кто говорит..." // Цирк «Олимп». 1996. № 4.

Literature:

1. Kramnau E. Postmodernism in contemporary Russian literature [electronic resource] // Site ID "The first of September." URL: (Date of access: 12.17.2012).

2. Danilenko V. Postmodernism in Russian literature: theory and practice // Literary Studies. 2009. Number 3.

3. Kravchenko V. On the meeting and non-meeting. With talk V. Kravchenko S.Sokolovym // Yasnaya Polyana. 1997. Number 2.

4. Matic O. Interview with Sasha Sokolov: "We need to forget all the old and remember all the new" // Russian thought. 1985. May 31.

5. Chuprinin S. *Russian literature today. Life by the rules* [electronic resource] // Portal "Librusek." URL: <http://lib.rus.ec/b/147813/read> (date accessed: 15.12.2012).
6. Sinmey L. *Russian and Chinese postmodernism* // Almanac "Academic Notebook", the electronic version. URL: <http://independent-academy.net/science/tetradi/12/index.html> (date accessed: 08/01/2013).
7. Erofeev V. *Time for private conversations ...* // October. 1989. Number 8.
8. *Encyclopedia for children. T. 9. Russian literature. Part 2. XX Century* / Ch. Ed. M.D. Aksenov. Moscow: Avanta +, 1999.
9. *Sasha Sokolov* [electronic resource] // The free encyclopedia "Wikipedia." URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D1%88%D0%B0_%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2 (date accessed: 21/01/2013).
10. Kester A. *Sasha Sokolov. "Silence" as a method* [electronic resource] // Portal "LITIS." URL: <http://www.litis.org/ludi/sasha-sokolov-molchanie-kak-metod.html> (date accessed: 26/01/2013).
11. Wyman H. *Above the barriers. A conversation with Sasha Sokolov* [electronic resource] // radio station "Freedom". URL: <http://archive.svoboda.org/programs/OTB/2003/OBT.091803.asp> (date accessed: 01/27/2013).
12. *William Faulkner The Sound and the Fury* [electronic resource] // Portal "Librusek." URL: <http://lib.rus.ec/b/17024/read> (date accessed: 12/12/2012).
13. Tereshchenko M. "I do not take much of Russian Dictionary": Interview with Sasha Sokolov // Newspaper. 2004. December 20.
14. *Alternative Culture: An Encyclopedia* / [comp. Dmitry Desyaterik]. - Yekaterinburg: Ultra. Culture, 2005.
15. Kazarina T. "There is always someone who says ..." // Circus "Olympus". 1996. Number 4.